

АНАЛИТИКА ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ

DOI: 10.17212/2075-0862-2018-1.2-75-85

УДК 303.446.2; 7.034.6

РОЛЬ КНИГ ЭМБЛЕМ В КУЛЬТУРЕ ПОЗДНЕГО ВОЗРОЖДЕНИЯ И НАЧАЛА НОВОГО ВРЕМЕНИ

Макарова Нина Ильинична,

кандидат культурологии, PhD (Monash, Australia),

доцент кафедры философии и гуманитарных наук

Новосибирского государственного университета

экономики и управления – «НИИХ»,

Россия, 630099, Новосибирск, ул. Каменская, 56

ORCID: 0000-0002-3619-2230

Researcher ID: D-5612-2018

siberianalchemy@gmail.com

Аннотация

В статье рассматривается роль книг эмблем в культуре Позднего Возрождения и начала Нового времени. Родоначальником этого жанра литературы, имевшего преимущественно дидактический характер, был итальянский гуманист Джованни Андреа Альчиато, опубликовавший в 1531 г. в Аугсбурге первую книгу эмблем. Книга Альчиато состояла из набора изображений, каждое из которых сопровождалось короткой надписью-девизом, а также комментарием, раскрывавшим смысл изображения. Это издание стало чрезвычайно популярным, многократно переиздавалось и было переведено на многие языки. Интерес к книге Альчиато и другим произведениям аналогичного характера был вызван особенностью культуры этого времени – усилением внимания к Античности и переходом от преимущественно религиозного дискурса к более светской его направленности. Составителями этих книг были в основном гуманисты, которые стремились воздействовать не только на разум, но также на воображение и чувства своих читателей. Интересные и подчас загадочные изображения эмблем способствовали тому, что поучение или полезная информация, помещенные в комментарии, легче запоминались. В этом отношении книги эмблем могли с успехом использоваться как своеобразные справочники, подобные «книгам общих мест», которые содержали яркие цитаты античных авторов, а также пословицы и поговорки, тематически систематизированные. Образованные люди этого времени запоминали примеры из этих книг и использовали их в устном общении, а также прибегали к этой «справочной литературе» при письме. Написанные большей частью на латыни и нередко использовавшие примеры, взятые из античной литературы и мифологии, книги эмблем способствовали развитию светской культуры Нового времени, объединившей разрозненные в религиозном плане страны Западной Европы. Наконец, многозначность визуального образа эмблемы расширя-

ла как для ее автора, так и для читателей книги эмблем диапазон возможных значений данного изображения, что вело к росту индивидуального начала в трактовке затронутой темы.

Ключевые слова: культура Возрождения, культура Нового времени, эмблемы, Альчиато, мнемоника.

Библиографическое описание для цитирования:

Макарова Н.П. Роль книг эмблем в культуре Позднего Возрождения и начала Нового времени // Идеи и идеалы. – 2018. – № 1, т. 2. – С. 75–85. doi: 10.17212/2075-0862-2018-1.2-75-85.

Книги эмблем приобрели большую популярность в Западной Европе со второй половины XVI в. Они состояли из набора изображений, каждое из которых сопровождалось короткой надписью-девизом, а также комментарием в поэтической или прозаической форме. Эмблемы имели преимущественно дидактический характер и могли быть выполнены на темы моральные, любовные, религиозные и политические. Книга могла включать эмблемы, посвященные какой-либо одной тематике или сразу нескольким. Популярность этих книг проявилась не только в том, что их часто переиздавали, но и в том, что эмблемы из этих книг широко использовались в живописи, скульптуре, украшениях, оружии и гобеленах. Эмблемы стали неотъемлемой частью оформления светских и религиозных церемоний и настолько прочно вошли в обиход европейцев, что в некоторых иезуитских школах разработывание эмблем стало одним из преподаваемых предметов [7, с. 534].

Интересно, что для первой книги эмблем, написанной итальянским юристом и гуманистом Джованни Андреа Альчиато (1492–1550) и напечатанной в 1531 г. в Аугсбурге в издательстве Генриха Стейнера, ксилографии были подобраны типографом без консультации с автором. До этого текст Альчиато существовал в виде неиллюстрированного манускрипта. Однако иллюстрированное издание приобрело такую известность, что было переведено на многие языки, выдержало более сотни изданий и стало родоначальником нового жанра.

Что могло быть источником девизов эмблем, изобразительных мотивов и поясняющих примеров, использованных в комментарии? Девиз постулировал тот аспект восприятия зрительного образа, который задавал автор эмблемы, т. е. определял основной смысл изображения, который потом более полно раскрывался в комментарии. Комментарий эмблемы обычно был построен на одном или нескольких примерах, взятых преимущественно из Библии, античной литературы и в меньшей степени из сочинений европейских авторов, а также на пояснениях к этим примерам,

отражающих авторскую точку зрения и раскрывающих идею, обозначенную в девизе. В качестве иллюстрации можно привести хорошо известную в XVII веке книгу политических эмблем испанского историка и дипломата Диэго Сааведры (1584–1648), написанную в целях воспитания принца Бальтазара Карлоса, сына Филиппа IV. Считалось, что в деле воспитания правителя упор должен быть на уроках, почерпнутых из истории, а также на общении с людьми, хорошо знакомыми с реалиями политической жизни. В этом отношении труд Сааведры очень интересен, поскольку он отражает как прекрасное знание автором истории, так и его богатый многолетний опыт дипломата.

Известны два основных издания книги Сааведры. В первом издании (Мюнхен, 1640 г.) автор делает упор на трудах римского историка Тацита. Он также нередко обращается к европейской истории, в частности, к истории Испании, отдавая в том числе дань признательности своему покровителю графу Оливаресу, благодаря которому он получил рыцарство и высокий пост полномочного представителя при рейхстаге Священной Римской империи. Во втором издании (Милан, 1642 г.) Сааведра, возможно, под влиянием критики со стороны горячих сторонников движения контрреформации, уменьшил количество цитат из Тацита и других античных авторов и ввел гораздо большее количество ссылок на Библию, преимущественно на исторические книги Ветхого Завета. Это второе издание стало образцовым и было переведено на другие европейские языки.

Что касается изображений, то на первый взгляд кажется, что изобразительные мотивы выбирались авторами эмблем произвольно. Были эмблемы с изображением небесных тел, животных, птиц, насекомых, музыкальных и научных инструментов, колесниц и кораблей. Однако при более внимательном взгляде оказывается, что тот или иной мотив имел чаще всего глубокие корни в литературе Античности и в средневековых сочинениях – в комментариях к Библии или бестиариях. Например, в эмблеме 10 «Договоры» в книге Альчиато используется образ музыкального инструмента. В комментарии к эмблеме автор, обращаясь к герцогу, просит его принять «эту лютню» в дар с тем, чтобы она стала символом согласия между герцогом и его потенциальными союзниками, с которыми он собирается заключить политический союз. Выбор зрительного мотива не случаен, поскольку гармоническое сочетание интересов сторон в эпоху Возрождения нередко сравнивалось с музыкальной гармонией, которая, согласно пифагорейцам, лежит в основе правильного порядка вещей. Так, Эразм Роттердамский в своем предисловии к «Комментариям на псалмы» Арнобия Младшего, посвященном недавно избранному папе Адриану VI, пишет о божественной способности музыки привносить гармонию в мир: «Христианство молится и ожидает от Вас..., что

взяв псалтерион Христа, Вы запоете поистине апостольскую мелодию, которая соединит души принцев с душами их людей в христианской гармонии» [5, с. 46, 47]. Согласно Эразму, музыка усмиряет страсти, настраивает душу человека в соответствии с Божественной волей и способствует достижению социального и политического согласия.

Эмблема 45 «Это не просто к славе» из книги политических эмблем Диего Сааведры изображает льва, спящего с открытыми глазами, что символизирует бдительность. Автор пишет, что еще в Древнем Египте лев ассоциировался с этой добродетелью. Поэтому статуи льва украшали входы в храмы. Если же обратиться к античной истории, то великий полководец Александр Македонский был выгравирован на монете с львиной шкурой на голове в знак того, что он был столь же осторожен и бдителен, сколь отважен. Сааведра приводит легенду о том, что Александр, чтобы быть начеку, иногда спал с вытянутой рукой, в которой он держал серебряный шар. Если Александр глубоко засыпал, то шар, падая в латунный таз, будил его. Поэтому, заключает автор, тот, кому доверено правление государством, должен быть бдительным. Пусть и его враги, и друзья знают, что он всегда в курсе того, что происходит в стране. Государь может спать, но подобно льву: «немного и с открытыми глазами», не позволяя себе закрыть глаза в отношении осторожности и осмотрительности [8].

Однако мотив льва как символа бдительности все-таки кажется произвольно выбранным автором до тех пор, пока мы не обратимся к описанию зверя в средневековом бестиарии, где можно прочесть, что у льва есть три особенности [9]. Во-первых, когда лев в горах видит, что на него охотятся, то он замечает свои следы хвостом. Также он спит с открытыми глазами. Наконец, львята рождаются мертвыми и возрождаются к жизни лишь на третий день, после того как их мать подышит на них или их отец зарычит над ними. Согласно комментарию бестиария, эти особенности означают следующее. Лев, замечающий свой след, означает Иисуса, который скрывал свою Божественную природу от всех людей, открыв ее только своим последователям. Лев, спящий с открытыми глазами, представляет собой Христа, мертвого физически после распятия, но духовно живого согласно Своей Божественной природе. Лев, рычащий над своими львятами, означает, что Бог Отец полностью воскресил Иисуса после трех дней, проведенных в гробнице. Иллюстрации в бестиариях обычно использовали мотив льва, рычащего над своими львятами, поскольку это являлось символом как воскресения Иисуса Христа, так и всеобщего воскресения людей на Страшном суде. Авторы же политических эмблем обратились к другим мотивам, связанным со львом. О том, что аллегорическое средневековое истолкование льва не было забыто, свидетельствует, в частности, тот факт, что Сааведра в комментарии к своей эмблеме обращается и к другой осо-

бенности льва, описанной в бестиарии, – к тому, что лев замечает хвостом свой след, дабы обмануть охотников.

Необходимо подчеркнуть, что у образованных читателей книг эмблем могли появляться ассоциации между тем смыслом изображения, которое было закреплено автором эмблемы в комментарии, и другими значениями, связанными с хорошо известными литературными источниками. Так, например, ассоциации спящего с открытыми глазами льва с Иисусом Христом безусловно влияли на образ правителя, который формировался эмблемой Сааведры, способствуя освящению политической власти. Таким образом, многомерность образа, коренящаяся в античной и средневековой христианской традициях, позволяла воображению читателя развивать основные положения комментария и принимать активное участие в процессе восприятия той или иной эмблемы. Об этом, в частности, свидетельствует то, что отдельные элементы эмблем, а также новое сочетание этих элементов широко использовались для создания личных символов (*impresie*) и для оформления различных празднеств. Так, например, во время церемоний, сопровождавших крещение принца Генриха Стюарта 30 августа 1594 г., король Яков появился «с *impresie* львиной головы с открытыми глазами», что должно было символизировать «стойкость и бдительность» [2, с. 6]

Своеобразие книг эмблем состояло также в том, что изображение обладало определенной многозначностью и приобретало более узкое значение только вместе с поясняющим текстом. Это позволяло разным авторам использовать один и тот же образ для своих собственных целей и раскрывало для читателей возможное поле значений данного изображения. В этом смысле книги эмблем вырабатывали аллегорический язык, призванный выражать идеи, связанные с воспитанием и образованием, семейными и любовными отношениями, задачами государственного строительства и справедливостью законодательства. Например, один и тот же мотив корабля в открытом море следующим образом толкуется в книгах эмблем Андреа Альчиато и английского поэта Джеффри Уитни (ок. 1548 – ок. 1601). Известно, что корабль является традиционным символом христианской церкви. Кроме того, образованные люди Возрождения хорошо знали уподобление государства кораблю, а правителя – кормчему, которое было приведено в шестой книге «Государства» Платона.

Альчиато в тексте к эмблеме 43 «Надежда близка» пишет о том, что «наше государство сотрясают бесчисленные бури», и оно подобно кораблю посреди моря, находящемуся во власти ветра и готовому потерпеть крушение в соленой воде. Однако остается надежда, что «братья Елены, сияющие звезды», появятся в небе, и тогда корабль благополучно достигнет порта [1]. «Братья Елены» – это Диоскуры, Кастор и Полидевк, которые ассоциируются с созвездием Близнецов. Диоскуры были участниками

похода за золотым руном; им Посейдон даровал власть спасать терпящих кораблекрушение. Таким образом, Альчиато, сравнивая корабль с государством, выражает надежду на то, что политические бури, бушующие в Европе, его не потопят.

Уитни в тексте к эмблеме 137 «Постоянство приводит к победе» утверждает, что, несмотря на все опасности моря, корабль ко всеобщей радости все же возвращается в порт. Подобно кораблю и человек должен с упорством плыть в море жизни. Если он будет неустанно держать намеченный курс, то его наградой будет «тот конечный порт, где его ждет вечная радость» [11]. Для Уитни корабль – это символ человека, переплывающего «море жизни» и надеющегося благодаря своей стойкости и постоянству достичь воздаяния в жизни вечной. Однако Уитни была безусловно знакома и связь образа корабля с плаванием аргонатов. В своей эмблеме 203 «Божественная помощь» он сравнивает знаменитое кругосветное плавание Фрэнсиса Дрейка с походом Ясона за золотым руном и призывает восхвалить тех, кто стремится достичь дальних земель и облагодетельствовать тем «свою страну» [Гам же].

Чем объясняется чрезвычайная популярность книг эмблем во второй половине XVI–XVII в.? Во-первых, она обусловлена тем, что они отвечали стремлениям гуманистов воздействовать на общество путем воспитания добродетельных людей и разумных граждан. При этом гуманисты делали упор как на разум читателей, так и на их чувства, стараясь облечь поучение в занимательную форму. Поскольку авторы книг эмблем ставили себе задачу преимущественно дидактическую и обращались к широкой аудитории, то понятен акцент, сделанный ими на визуальном образе. Наряду с латынью, изображение было универсальным культурным языком, который, в отличие от латыни, был понятен в той или иной степени каждому человеку. Кроме того, сочетание девиза, изображения и комментария позволяло читателю лучше запоминать мысль автора. Так, Эразм Роттердамский рекомендовал учителю в качестве педагогического приема прибегать к разным средствам воздействия на воображение и память ученика, использовать яркие примеры, сравнения и пословицы. Клод Мино Дижонский, написавший комментарий к антверпенскому изданию 1577 г. «Книги эмблем» Альчиато, отмечал в своем «Обращении к читателю», что этот метод эмблем превосходным образом сочетает в себе три элемента, которые можно сравнить с душой (девиз), духом (комментарий) и телом (изображение) [3]. Эти элементы эмблемы как бы дополняют и поясняют друг друга: ухо человека может наслаждаться благозвучным ритмом поэзии, а глаз – формами визуального образа. Таким образом, сочетание поучающего текста и изображения делало чтение приятным и интересным для широкого

круга читателей, который сформировался в Западной Европе к середине XVI века.

При этом Мино, опираясь на авторитет греческого философа и ритора II века Максима Тирского, утверждал, что поэты ни в коем случае не уступают философам в мудрости. Поэты приспособливаются к восприятию простых людей и сочиняют мифические истории таким образом, что божественные идеи, которые представлялись бы иначе непонятными этим людям, становятся достаточно ясными, будучи представленными в иносказательном виде. Такой поэтический подход способствует стимулированию ума и желанию проникнуть в тайны того, что скрыто под покровом таинственности. Таким образом, заключает Мино, поэт, как и философ, обучает добродетели, но с помощью тех средств, что доступны простым людям и доставляют им удовольствие, поэтому не имеет смысла выяснять, кто – философ или поэт – лучше имеет дело с божественными предметами. Скорее нужно понять, что каждый подход включает в себя другой в активном взаимодействии. Поэтому «когда вы говорите “философ”, вы имеете в виду также и поэта, и когда вы произносите “поэт”, вы также имеете в виду философа» [Там же].

Немаловажным было и то, что книги эмблем приобщали читающую публику к литературе и образам Античности, что способствовало переходу от преимущественно религиозного характера дискурса к более светской его направленности. Хотя эмблемы нередко были вариациями на темы, хорошо известные в Позднем Средневековье, благодаря обнародованию многих античных текстов в этот период, а также благодаря развитию светского знания появилась возможность взглянуть на эти темы по-новому, выявить неожиданные повороты в интерпретации эмблемы. Поэтому эмблемы способствовали «освобождению образности» и росту индивидуального начала в трактовке той или иной темы [7, с. 547].

Согласно Расселу, Альчиати способствовал тому, что в эмблеме сопоставлялись выхваченные из контекста отдельные сентенции, например, морального значения, которые соединялись с визуальным образом, имеющим, как правило, довольно широкий спектр значений. Таким образом, учитывая смысловую неопределенность как иллюстрации, так и морального высказывания, автор мог своим комментарием придать эмблеме желаемый смысл [Там же, с. 548]. Например, эмблема Альчиато 85 «Жадность» изображает томящегося в аду Тантала, который не может утолить свой голод и жажду, несмотря на то что он стоит в воде и над ним свисают с дерева зрелые фрукты. На заднем плане изображены страдающие грешники. Комментарий к эмблеме поясняет, что голод и жажда Тантала – это символ ненасытной природы всех жадных людей. Таким образом, Тантал в эмблеме является символом порока, но не гордыни, которая привела его к преступлению и наказанию, а жадности [4].

Одна из важных функций эмблемы была связана с мнемоникой – запоминанием нужной информации. Сопоставление девиза и иллюстрации нередко порождало в читателе удивление и желание разгадать смысл данной эмблемы, который раскрывался в комментарии. Элемент неожиданности способствовал тому, что информация лучше запоминалась, а иллюстрация «привязывала» эту информацию к визуальному образу, также способствуя мнемоническим задачам [7, с. 545]. В этом отношении книги эмблем имели сходство с так называемыми «книгами общих мест», также популярными в этот период. Практика учебных заведений этого времени, заключавшаяся в выписывании высказываний из книг античных авторов в студенческие тетради, способствовала появлению печатных книг «общих мест», где были собраны цитаты и популярные пословицы, сгруппированные под различными заголовками, такими, например, как политика, любовь, воспитание, пороки и добродетели. Такие книги общих мест выполняли тройную роль для читателей, которые, во-первых, старались запомнить характерные высказывания с тем, чтобы использовать это знание в устном или письменном общении, подкрепив свою точку зрения ссылкой на авторитет прошлого или приводя яркий пример. Также считалось, что эта «сконцентрированная мудрость» помогает воспитывать нравственность и вырабатывать характер человека. Во-вторых, многие высказывания представляли собой образцы красноречия на латыни – языке образованных европейцев, и способствовали выработке хорошего стиля [10, с. 186]. Согласно Энн Мосс, эти книги способствовали культурному объединению разрозненной в религиозном плане Европы, поскольку они были проводниками единой гуманистической культуры [6, с. 421]. Такую же роль играли и книги эмблем. При этом авторы эмблем использовали книги «общих мест», но книги эмблем и сами могли функционировать как книги «общих мест». Так, например, в поздних изданиях Альчиато эмблемы были сгруппированы согласно принципу организации книг «общих мест», а многие высказывания из голландских книг эмблем были заимствованы из книги общих мест Лангиуса (Josephus Langius' *Polyanthea nova*) [10, с. 187].

Таким образом, популярность книг эмблем была обусловлена прежде всего стремлением гуманистов воздействовать не только на разум, но также на воображение и чувства своих читателей. Интересные и подчас загадочные изображения эмблемы способствовали тому, что поучение или полезная информация, содержащиеся в комментарии, легче запоминались. Книги эмблем, опиравшиеся в первую очередь на латинские тексты, приобщали читателей к культуре Античности, что способствовало развитию светского характера культуры Нового времени, объединявшей разрозненные в религиозном плане страны Западной Европы. Наконец, многозначность визуального образа эмблемы расширяли как для ее автора, так и для

читателей книги эмблем диапазон возможных значений данного изображения, что вело к росту индивидуального начала в трактовке затронутой темы.

Литература

1. Alciato's Book of Emblems. The memorial web edition in Latin and English [Electronic resource]. – URL: <https://www.mun.ca/alciato/index.html> (accessed: 02.03.2018).
2. *Bath M.* Rare shewes and singular inventions': the stirling baptism of Prince Henry // *Journal of the Northern Renaissance*. – 2012. – Iss. 4. – P. 2–20.
3. Claude Mignault of Dijon. Theoretical writings on the emblem: a critical edition, with apparatus and notes / by D. Drysdall. – URL: http://www.emblems.arts.gla.ac.uk/Mignault_intro.html (accessed: 02.03.2018).
4. *Fitzmaurice J.* A gathering of Emblem Books [Electronic resource] // *Books at Iowa*. – 1971. – N 14. – P. 3–7. – URL: <http://www.lib.uiowa.edu/scua/bai/fitzmaurice.htm> (accessed: 02.03.2018).
5. *Langedijk K.* Baccio Bandinelli's Orpheus: a political message // *Mitteilungen des Kunsthistorischen Institutes in Florenz*. – 1976. – Bd. 20, H. 1. – P. 33–52.
6. *Moss A.* The politica of Justus Lipsius and the Commonplace Book // *Journal of the History of Ideas*. – 1998. – Vol. 59, N 3. – P. 421–436.
7. *Russell D.* Alciati's Emblems in Renaissance France // *Renaissance Quarterly*. – 1981. – Vol. 34, N 4. – P. 534–554.
8. *Saavedra Fajardo D. de.* The royal politician represented in one hundred emblems... done into English from the original, by Sir Ja. Astry. – London, 1700. – URL: <https://quod.lib.umich.edu/e/eebo/A58845.0001.001?view=toc> (accessed: 02.03.2018).
9. *The medieval bestiary* [Electronic resource]. – URL: <http://bestiary.ca/beasts/beast78.htm> (accessed: 02.03.2018).
10. *Visser A.S.Q.* Joannes Sambucus and the learned image: the use of the emblem in Late Renaissance humanism. – Leiden; Boston: Brill, 2005.
11. *Whitney J.* Whitney's 'Choice of emblems' [Electronic resource]: a facsimile reprint / ed. by Henry Green, M.A. With an introductory dissertation, essays literary and bibliographical, and explanatory notes. – . – . – URL: <https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=mdp.39015030718186;view=1up;seq=175> (accessed: 02.03.2018).

Статья поступила в редакцию 17.11.2017 г.

Статья прошла рецензирование 04.12.2017 г.

DOI: 10.17212/2075-0862-2018-1.2-75-85

FUNCTIONING OF EMBLEM BOOKS IN THE CULTURE OF THE LATE RENAISSANCE AND THE BEGINNING OF MODERN TIMES

Makarova Nina,*Cand. of Sc. (Cultural Studies), PhD (Monash, Australia),**Associate Professor of Department of Philosophy**and Human Sciences, Novosibirsk State University**of Economics and Management,**56, Kamenskaja st., Novosibirsk, 630099, Russian Federation*

ORCID: 0000-0002-3619-2230

Researcher ID: D-5612-2018

siberianalchemy@gmail.com

Abstract

The article considers functioning of emblem books in the culture of the late Renaissance and the beginning of Modern times. The Italian humanist Giovanni Andrea Alciato, who published in 1531 the first book of emblems, became the originator of this genre of literature which had mainly didactic character. *Emblemata* by Alciato consisted of a set of images, each of which was followed by a short inscription-motto and also by commentary, revealing the meaning of the emblem. This extremely popular edition was republished many times and translated into different languages. Interest in the Alciato book and other similar works was largely caused by the enhanced attention toward antiquity and by the transition from mainly religious discourse to its more secular character. Authors of emblem books were mostly humanists, who tried to influence their audience appealing not only to the reason but also to the imagination and senses of their readers. Attractive and sometimes mysterious images promoted curiosity in the beholders, which resulted in the fact that a moral lesson or useful information contained in the commentary became easily remembered. In this regard, the books of emblems could be used with success as peculiar reference books, similar to the contemporary “commonplace books”, which contained distinctive quotes of antique authors, proverbs and sayings, which were thematically systematized. Educated people of this time remembered and used examples from these books in oral communication and also referred to these “reference books”, enhancing their writing. Emblem books, written mostly in Latin and referring often to the antique literature and mythology, contributed to the development of secular culture, which united the countries of Western Europe separated religiously after the Reformation. Also, the ambiguity of an emblem’s visual image expanded the scope of its possible meanings, which resulted in the growth of the individuality of perception and interpretation of the subject touched by the emblem.

Keywords: Renaissance culture, Modern culture, emblems, Alciato, mnemonic.

Bibliographic description for citation:

Makarova N.I. Functioning of emblem books in the culture of the Late Renaissance and the beginning of Modern Times. *Idei i idealy – Ideas and Ideals*, 2018, no. 1, vol. 2, pp. 75–85. doi: 10.17212/2075-0862-2018-1.2-75-85. (In Russian).

References

1. *Alciato's Book of Emblems. The memorial web edition in Latin and English*. Available at: <https://www.mun.ca/alciato/index.html> (accessed 02.03.2018).
2. Bath M. Rare shews and singular inventions?: the stirring baptism of Prince Henry // *Journal of the Northern Renaissance*, 2012, iss. 4, pp. 2–20.
3. Drysdall D. *Claude Mignault of Dijon. Theoretical writings on the emblem: a critical edition, with apparatus and notes*. Available at: http://www.emblems.arts.gla.ac.uk/Mignault_intro.html (accessed 02.03.2018).
4. Fitzmaurice J. A gathering of Emblem Books. *Books at Iowa*, 1971, no. 14, pp. 3–7. Available at: <http://www.lib.uiowa.edu/scua/bai/fitzmaurice.htm> (accessed 02.03.2018).
5. Langedijk K. Baccio Bandinelli's Orpheus: a political message. *Mitteilungen des Kunsthistorischen Institutes in Florenz*, 1976, vol. 20 (1), pp. 33–52.
6. Moss A. The politica of Justus Lipsius and the Commonplace Book. *Journal of the History of Ideas*, 1998, vol. 59, no. 3, pp. 421–436.
7. Russell D. Alciati's Emblems in Renaissance France. *Renaissance Quarterly*, 1981, vol. 34, no. 4, pp. 534–554.
8. Saavedra Fajardo D. de. *The royal politician represented in one hundred emblems... done into English from the original, by Sir Ja. Astry*. London, 1700. Available at: <https://quod.lib.umich.edu/e/eebo/A58845.0001.001?view=toc> (accessed 02.03.2018).
9. *The medieval bestiary*. Available at: <http://bestiary.ca/beasts/beast78.htm> (accessed 02.03.2018).
10. Visser A.S.Q. *Joannes Sambucus and the learned image: the use of the emblem in Late Renaissance humanism*. Leiden, Boston, Brill, 2005.
11. Whitney J. *Whitney's 'Choice of Emblems': a facsimile reprint*. Ed. by Henry Green, M.A. With an introductory dissertation, essays literary and bibliographical, and explanatory notes. Available at: <https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=mdp.39015030718186;view=1up;seq=175> (accessed 02.03.2018).

The article was received on November 17, 2017.

The article was reviewed on December 04, 2017.